

УДК 821.161.1 – 31

Ю.В. Коврига

**ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ ХРОНОТОПА
РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»**

Время и пространство – неотъемлемая часть любого художественного произведения. Вне этих характеристик существование самого произведения ставится под сомнение. Так, И. Роднянская полагает, что «художественное время и пространство – важнейшие характеристики художественного образа, организующие композицию произведения и обеспечивающие его восприятие как целостной и самобытной художественной действительности» [5, стлб.772]. Немало литературоведов посвятило свои работы изучению времени и пространства в художественном произведении, их особенностям, видам и значению для него самого. Наиболее фундаментальные работы принадлежат, как известно, М.М. Бахтину, Д.С. Лихачеву, Б.А. Успенскому, Ю.М. Лотману. Теория этого вопроса обобщена в учебных пособиях (под редакцией Е. Фарино, Л.В. Чернец, В.Е. Хализева, Т.Т. Давыдовой, А.Я. Эсалнек и др.).

Как известно, М.М. Бахтин вводит понятие «хронотоп» «для обозначения связи времени и пространства в художественном произведении (“времяпространство” дословно)» [1, с. 234], причем отмечает, что ведущим началом в хронотопе является время. Т.Т. Давыдова и В.А. Пронин справедливо отмечают, что «российские структуралисты (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, С.Ю. Неклюдов) в своих работах, напротив, обращали внимание преимущественно на художественное пространство» [3, с. 166]. В разных научных концепциях время и пространство занимают разное место. Эти категории, как отмечает Алуа Б. Темирболат в статье «Хронотоп в аспекте семиотики», могут характеризоваться статикой и динамикой: «Статичность хронотопа заключается в том, что он существует независимо от человека, его представлений, знаний об окружающей действительности и всегда выступает основной характеристикой бытия и

© Ю.В. Коврига, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.45537>

мира литературного произведения. Динамичность данной категории проявляется в ее способности изменяться. Она может сужать и расширять свои пространственные границы, ускорять и замедлять ритм и скорость течения времени и т. п.» [9, с. 75]. Анализируя пространство, по словам А.Б. Есина, мы обращаем внимание на предметы, заполняющие его. О времени мы судим по происходящим в нем процессам [4, с. 67]. Е. Фарино справедливо полагает, что «и пространство и время могут быть четко ограничены, получать замкнутый вид» [11, с. 364]. В качестве делимитаторов могут выступать стены, ограды, леса, горы и т. п., «за пределы которых (или из-за пределов) не перемещается ни один из элементов данного мира. Замкнутость во времени делимитируется естественными циклами суток, недели, месяца года, рождения и смерти, появления и исчезновения, начала и завершения какого-либо процесса или события и т.п.» [11, с.364]. Е. Фарино называет такие характеристики времени и пространства, как разомкнутость, организованность/неорганизованность, однородность/неоднородность, заполненность/незаполненность. Относительно последней характеристики Е. Фарино выражает мысль о том, что «одно и другое может моделировать мир как в положительных, так и в отрицательных категориях. Отсутствие событий и изменений может расцениваться как умиротворение, благодный покой, сопричастность вечности, а насыщенность событиями и изменениями – как разрушение, хаос, но возможна и прямо противоположная шкала оценок, когда бессобытийность понимается как застойность, косность, консерватизм, причастность к смерти, а событийность и изменчивость – как проявление интенсивности бытия» [11, с. 366].

А.Б. Есин акцентирует внимание на том, что «повышенная насыщенность художественного пространства, как правило, сочетается с пониженной интенсивностью времени, и наоборот: слабая насыщенность пространства – с насыщенным событиями временем» [4, с. 68]. Близкой точки зрения придерживается и Е. Фарино: «Пространство и время во многом сходны друг с другом, но одновременно они полностью самостоятельны и обладают собственной шкалой ценности. Поэтому заполненное пространство может пребывать в

“остановившемся” (или “пустом”), бесобытийном времени, а простор – во времени, исполненном событий» [11, с. 365]. М.М. Бахтин же, напротив, утверждал, что «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [1, с. 235]. По мнению Алуа Б. Темирболат, «неотъемлемыми компонентами сюжета и композиции произведения литературы являются внешний и внутренний хронотопы. Они взаимно дополняют друг друга и образуют единый пространственно-временной континуум. При этом внешний хронотоп несет в себе информацию о реальности, окружающей героев, месте развития описываемых событий; внутренний – охватывает духовный мир персонажей и рассказчика-повествователя, их сознание, память, воображение» [9, с. 77]. Эти соображения мы будем учитывать при достижении цели нашей статьи.

Творчество Л. Улицкой попало в поле зрения литературоведов относительно недавно. Исследователи обратились к различным сторонам ее творчества: мифопоэтике ее прозы, ее лексическому строю, типологии образов и поэтике ее произведений как образца женской прозы, др. Однако имеющиеся работы лишь вскользь затрагивают специфику хронотопа в ее произведениях. Между тем, это важный аспект, осмысление которого способно пролить свет на особенности поэтики ее прозы. Одна из наиболее интересных работ на эту тему, – статья Ю.Г. Семикиной «Антиномия “открытого” и “замкнутого” хронотопа в романе Л. Улицкой “Казус Кукоцкого”». Автор статьи полагает, что «для романа Л. Улицкой “Казус Кукоцкого” характерна сложная реализация пространственно-временных форм отражения реальной действительности» [8, с.167]. Хронотоп романа, по ее мнению, представлен рядом антитез: реальный – ирреальный,

«замкнутость – разомкнутость», внешнее – внутреннее. Исследователь выражает мысль о том, что «“реальный” хронотоп является в большей степени “открытым” <...>, “ирреальный” хронотоп является условно “замкнутым” и связан с личными, субъективными переживаниями героев» [8, с. 168]: «Иногда автор останавливает, выключает сюжетное время посредством авторских отступлений, философских размышлений» [8, с. 169]. Наблюдения Ю.Г. Семикиной представляются важными и ценными для установления особенностей хронотопа в романе писателя.

Т.В. Губанова, изучая хронотоп в цикле рассказов Л. Улицкой «Люди нашего царя», приходит к выводу о том, что в основном «действие происходит в замкнутом топосе» [2, с. 227]. С точки зрения автора статьи, в рассказах очевидна дехронологизация повествования: «Перемещение в прошлое происходит <...> с помощью параллельных путей» [2, с. 228]. Исследователь выделяет inferнальные хронотопы. Так, в рассказе «Приставная лестница» Т.В. Губанова обнаруживает, что «к демоническому колориту inferнального хронотопа относятся мотивы темноты (погас свет), пустоты, безлюдности (пустые коридоры), окаменения или остолбенения <...>» [2, с. 229].

В нашей статье предпринимается попытка рассмотреть хронотоп романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» сквозь призму танатологии и выявить те характеристики времени и пространства, которые помогают раскрыть аспект смертности. Исключение составляет лишь вставная новелла, которая, на наш взгляд, заслуживает отдельного внимания.

Как известно, Л. Улицкая принадлежит к ряду тех писателей, которые в своих произведениях не только не пытаются обойти тему смерти, но напротив, целенаправленно вводят читателя в круг вопросов и проблем, связанных со смертью. Две диаметрально-противоположных по семантическому признаку лексемы «начало – конец» метафорично характеризуют проблематику исследуемого романа «Казус Кукоцкого». Используя в своем произведении слова с амбивалентной символикой, Л. Улицкая стремится показать читателю, что жизнь, по своей сути, является многогранным явлением.

Отметим тот факт, что контрастирующие по своей семантике слова пронизывают весь текст романа, причем данное явление отмечено нами не только в пределах одного абзаца, но и зачастую в рамках одного предложения: « <...> захлопнулась входная дверь, распахнувшаяся форточка дернулась» [10, с. 127]. Начало и конец, добро и зло, рождение и смерть, по мнению автора-повествователя, – это неотъемлемые моменты жизни.

Л. Улицкая, описывая пространство, либо объекты, заполняющие его, использует слова с амбивалентной символикой и несущими глубинную информацию о хронотопе романа. Нами выделено несколько групп таких слов, которые раскрывают антиномию хронотопа романа по признаку витальности-мортальности:

1. Жизнь-смерть: «Сердце его билось, не успев еще разобраться, что вместо живой крови гонит мертвую тушь...» [10, с.197].

2. Молодость-старость: «Надели шубы. Тома – новую <...>. Таня – старую» [10, с.153].

3. Динамика-статика: «И расстояние между нами все увеличивается, хотя я-то иду быстро, а он очень медленно» [10, с.135].

4. Низ-верх: «<...> законные сугробы, толстые и волнистые понизу и маленькие, округлые <...> поверху» [10, с.45].

5. Мрак-свет: «На улице темно, а в клубе же светлело» [10, с.403].

6. Прекрасный-уродливый: «Теперь каждый <...> обращался к Тане за корнцангами, зажимами, скальпелями и пилами – страшными и красивыми орудиями резки и пилки костных тканей» [10, с.197].

7. Близко-далеко: «Иногда они с Василисой брали по бидону – большой и маленький и шли на дальний родник <...>. Ближний родник пробивался на самом краю огромного участка, но бывало <...>, вода не протискивалась на поверхность [10, с.45]. Противопоставление «близкий-далекий» в славянской мифологии указывает на структуру пространства (по горизонтали) и времени: ср. «свой дом» – «тридевятое царство» [5]

8. Левый-правый: « <...> а великий вождь всех времен и народов, сунув левую парализованную за пазуху, деятельной правой

принимал бессмертный букет из рук белокурой девочки, впоследствии и под следствием оказавшейся еврейкой, и мудро улыбался» [10, с.33]. Это одно из главных противопоставлений в древних мифологиях. Для большинства мифологий характерно использования признака «левый» в значении отрицательного, связанного с неправотой (и загробным наказанием), «правый» – в значении положительного. «На Страшном Суде воскресший Христос “сидит одесную Бога” (по правую руку); оправданным уготовано место справа (овцы), осужденным – слева (козлицы)» [6]. Причем в тексте романа упоминание лексемы «левый» преобладает: «Тома <...>, потянула Таню куда-то влево, и они оказались на Пушкинской улице, в тесной толпе молчаливых людей» [10, с. 153]. На наш взгляд, маньяк Семен Курилко в поисках очередной жертвы не случайно сворачивает именно «налево». Выстраивается параллель: лево – убийство – грех – загробное наказание.

Анализируя хронотоп произведения, мы выделили группы локусов, которые, на наш взгляд, на имплицитном уровне имеют непосредственную связь со сферой смертности: 1. Локусы, номинирующие некропространство: кладбище, морг, тюрьма, лагеря, «занюханная» психиатрическая больница; 2. Локусы, размеры и описание которых косвенно символизируют атрибуты смертности (гроб и могила): узкий кабинетик, щели, узкое пространство, тесное и темное место, закоулки; 3. Локусы, которые по световому и обонятельному признаку визуализируют сферу смертности: полумрак, полутьма, полутьма, мрак, сгустившаяся тьма, ударило запахом помоев и нечистот, воняло общественной уборной; 4. Локусы, расположенные под землей: недра, полуподвальный, подвальные квартиры; 5. Локусы, имеющие признаки деструктивности: сгнившее, разрушенный, гнилой домишка, протухшее, развалины; 6. Ветхость локусов: пыльная, неопрятная комната, ветшающий дом, убогая комната, запущенные комнаты, грязно, все было донельзя обшарпано.

В романе преобладают закрытые, замкнутые локусы: клетка, камера, коридор, комната, келейка, чулан и пр. Упоминания открытого и разомкнутого пространства носят единичный характер: участок,

площадь, улица, двор, море, коса, хотя некоторые из них можно лишь условно назвать «разомкнутыми», т.к. у них есть делимитаторы в виде забора, домов и пр. В романе неоднократно используется слово «закрытый» в различных вариациях: закрытая дверь (терраса), закрыть глаза, просидеть до закрытия, закрыться в кабинете. Закрытое пространство вызывает ощущение ограниченности человеческой жизни. Подобные локусы на ассоциативном уровне схожи с могилой, пещерой, вхождение в них символично смерти.

Кроме этого, подобные локусы по своим характеристикам (маленький размер, узость, теснота, световая наполненность) и формам напоминают гроб: «<...>операционные на колесах <...> в пульмановских вагонах» [10, с. 9]; «Павла Алексеевича долго вели по ковровым коридорам. Это малоприятное путешествие отдавало каким-то ночным кошмаром» [10, с. 35]. Довольно часто автор при описании жилища и предметов, которые окружают героев, употребляет слова, которые на ассоциативно-образном уровне схожи с атрибутами смертности (гроб, крест, памятник): «деревянный столик», «пахучий деревянный пенал», «деревянный дом», «фанерная перегородка», «бронзовые бюсты», «бархатистый зеленый диван» и пр. Автор-повествователь делает это умышленно, не скрывая напрашивающихся сравнений: «Старый лабораторный стол с мраморной столешницей, вполне пригодной для надгробья» [10, с. 181].

Предметно-вещественный мир романа имеет явно негативные коннотации: «вонючее мыло», «отталкивающего вида зубо-врачебный лоток», «грязная (многократно!) чашка», «никчемные бумажки». Отмеченные характеристики описываемых объектов несут в себе деструктивность и дисгармонию. Заполняя пространство романа, они делают окружающий мир неполноценным и ущербным, вызывают чувство тоски и грусти: «<...> на что же нужен ущербный мир?» [10, с. 398].

Негативная эмоциональная окраска характерна и для временного континуума романа: «Сроду не было у нее такого *пустого времени*. Лето было *поздним*, и хотя был уже *конец* июня, зелень парков была еще новой, необтрепанной, и липа цвела *запоздало*, и

особенно обаятельными были *закоулки*, проходные дворы, *ветхость* деревянных домов казалась милой и домашней, и Таня бродила до усталости, потом покупала хлеб, плавленый сырок, бутылку теплого лимонада и устраивалась в каком-нибудь *укромном*, уютном *месте*, возле дровяных сараев, *на откосе заброшенной* ветки железной дороги, в парке, на лавочке... (курсив мой – Ю.К.)» [10, с. 199]. Пустота времени – поздний – конец – закоулки – ветхость – укромное место – откос – заброшенный – данная лексическая цепочка на имплицитном уровне помогает раскрыть негативную наполненность пустого времени. Все лексемы цепочки в большей или меньшей степени наделены признаками инфернальности.

Дыхание танатоса ощутимо и в степени заполненности локусов: «Сибирский город, в котором до войны набиралось едва пятьдесят тысяч, ломился от эвакуированных: военный завод, в конструкторском бюро которого работала Елена, медицинский институт с клиниками и два театра. Если не считать бараков для заключенных в близком пригороде, никакого человеческого жилья за годы советской власти в городе не строили. Люди, как кильки в банке, забивали каждую щель, каждую норку» [10, с. 18]. Образ заполненного пространства визуализируется посредством употребления следующих лексем: «набитый», «заполненный», «заваленный», «залежи», «дом ломился от еды и питья», «стадо окаменевших кресел», «захламленные углы». Отметим тот факт, что предметы, которые так «плотно» заполняют собой пространство, в большинстве своем являются «никчемными» и по своей сути не особо нужны хозяевам: «надбитые тарелки, прогоревшие кастрюльки, впрок сохраняемые пустые стеклянные банки слежавшееся, нищенски-скопидомское хозяйство» [10, с. 440]. Подобные вещи («никчемная мелочь», «обломки драгоценной мебели с местных помоек», «многослойная бумажная залежь», «ворох набитых каким-то дерьмом пакетов», «груды поломанной мебели») являются символом мусора, заполняющего не только помещения героев, но и их души. В подобном пространстве отчетливо проявляется статичность времени: «Никаких мелких движений, легкой дрожи и суеты, какие бывают ранним утром. Было так тихо, как бывает в

полдень, в час, когда солнце в зените. Миг замирания – это был он» [10, с. 413].

Замедление временного потока достигается также путем использования приема ретардации в тексте романа, благодаря этому время становится вялым и неповоротливым. Статичность и аморфность, присущие хронотопу романа «Казус Кукоцкого», с нашей точки зрения, вербализируют категории старения и умирания, распада и увядания.

Рассмотренный выше внешний хронотоп пребывает в тесной связи с внутренним миром героев. Приведем фрагмент текста, подтверждающий наличие данной связи – описание квартиры, в которой Тома Полосухина живет с мужем: «Дверь была обшарпана, медная табличка с фамилией покойного деда помутнела. Возле двери, к раздражению соседей, второй год стоял сломанный стул, на котором громоздился ворох набитых каким-то Томочкиным дерьмом пакетов. Дух убожества и коммуналки» [10, с. 497]. Характеристика жилого пространства метафорически указывает на состояние внутреннего мира героини: «дух убожества»; «Старые тазы, один в одном, банки, обтрепанные мочалки. *О скарденость...* (курсив мой – Ю.К.)» [10, с.500]; «*Все было ветхим*, но изобретательно подчиненным (курсив мой – Ю.К.)» [8, с. 500]; «Шла бабушка хорошо, только рваный тапочек мешал, задиралась отклеившаяся подошва. Три пары новых, не меньше лежало у Тома. *О жадность* (курсив мой – Ю.К.)» [10, с. 501].

О тяготении внутреннего пространства героев к замкнутости говорит также и то, что автор-повествователь акцентирует внимание на обособленности локусов (отдельные комнаты, отдельные дома). Персонажи как будто живут все вместе, рядом, но каждый чувствует себя одиноко, у каждого из них свой личный, принадлежащий только ему, замкнутый мир. Находясь среди людей, герои, порой, чувствуют себя еще хуже, чем наедине с собой: «<...> чувствовала себя в Москве одинокой, в окружении чуждого и опасного мира» [10, с. 50].

Еще одной особенностью пространства романа является то, что оно символично раскрывает обреченность и безысходность персонажей. Вот как описан чулан, в котором жила Елена Георгиевна: «Бабушка сидела на венском стуле с прорезанным сиденьем, лицом к

маленькому окошку, выходящему в глухую кирпичную стену. Под стулом стояло ведро. В чулане пахло мочой и старческой немощью» [10, с. 499]. «Глухая стена» воспринимается, как обреченность жизни героини, невозможность изменить что-либо. Стул, на котором сидит Елена Георгиевна («венский стул с прорезанным сиденьем»), указывает на унижительность положения героини. Это подчеркивает и выделенный Томой, которую Елена Георгиевна воспитала, разрушив при этом свою жизнь, «топчан».

Рассмотрев специфику хронотопа романа «Казус Кукоцкого», мы пришли к выводу о том, что в нем содержится глубинная мортальная информация. Характеристика локусов и объектов предметно-вещественного мира на ассоциативно-образном уровне делает их схожими с атрибутами некропространства (гробом, могилой, памятником, крестом и пр.). В ходе анализа выделены такие характеристики хронотопа, как статичность и аморфность, которые символизируют старение и увядание. С помощью пространственно-временного континуума раскрываются категории одиночества, тупика, замкнутости, ограниченности, свойственные сфере мортальности, причем между внешним и внутренним хронотопом произведения существует непосредственная связь.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 506 с.
2. Губанова Т.В. Хронотоп как способ реализации авторской интенции в рассказах Людмилы Улицкой / Т.В. Губанова // Вопросы современной науки и практики. – Т: Ун-т им. В.И. Вернадского. – 2010. – №1-3 (28). – С. 227-231.
3. Давыдова Т.Т. Теория литературы: Учебное пособие / Т.Т. Давыдова, В.А. Пронин. – М.: Логос, 2003. – 235 с.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Учебное пособие / А.Б. Есин. – М.: Флинта Наука, 2000. – 164 с.
5. Иванов В.В. Славянская мифология [Текст]. [Электронный ресурс] / В.В.Иванов, В.Н. Топоров / Режим доступа: <http://www.radnoverie.org/stati/chitalnyj-zal/209-slavjanskaja-mifologija.html>

6. Левый и правый// Энциклопедия символики и геральдики [Текст]. [Электронный ресурс]/Режим доступа:<http://www.symbolarium.ru/index/php/>
7. Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство / И.Б. Роднянская // Краткая литературная энциклопедия в 9-ти тт. – М.: Советская Энциклопедия, 1978. – Т.9. – Стлб.772-780.
8. Семикина Ю.Г. Антиномия «открытого» и «замкнутого» хронотопа в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» / Ю.Г. Семикина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, серия «Филологические науки». – 2008. – №2 (26). – С.167-171.
9. Темирболат Алуа Б. Хронотоп в аспекте семиотики / Алуа Б. Темирболат // Respectus filologicus. – Вильнюс: Вильнюсский университет. – 2005. – №8 (13). – С.75-79.
10. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: роман / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. – 509 с.
11. Фарино Е. Введение в литературоведение. Учебное пособие / Е. Фарино. – СПб.: Издательство РГПУ им.А.И. Герцена, 2004. – 640 с.

Анотація

Ю.В. Коврига. Танатологічні прикмети хронотопу роману Л. Улицької «Казус Кукоцького»

Категорії часу і простору тісно пов'язані між собою в межах одного художнього твору. Чимало дослідників присвятили свої роботи аналізу хронотопу в літературі. Дана робота присвячена вивченню хронотопу роману Л. Улицької «Казус Кукоцького» крізь призму танатології і виявленню тих характеристик часу і простору, які допомагають розкрити аспект мортальності. В тексті твору переважають закриті локуси, які по своїм формам і розмірам схожі із домовиною і могилою. Предметно-речовий світ роману сповнений негативних конотацій і асоціюється з атрибутами мортальності (домовиною, пам'ятником, хрестом). Часовий континуум також має негативні ознаки. Завдяки уповільненню часового потоку в тексті твору вербалізуються категорії старіння і вмирання, розпаду і змарніння. Схожого ефекту автор-оповідач досягає кількома шляхами: 1) використанням художнього прийому ретардації; 2) щільним заповненням локусів (людьми, предметами), завдяки чому рухи стають неможливими і час застигає. Окрім того, в романі доволі явно простежується зв'язок між зовнішнім хронотопом і внутрішнім світом героїв.

Завдяки опису зовнішнього простору неодноразово розкривається приреченість і безвихідь персонажів.

Ключові слова: хронотоп, час, простір, локус, мортальний, некропростір.

Аннотация

Ю.В. Коврига. Танатологические приметы хронотопа романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Категории времени и пространства тесно связаны между собой в рамках одного художественного произведения. Немало исследователей посвятили свои работы анализу хронотопа в литературе. Данная работа посвящена изучению хронотопа романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» сквозь призму танатологии и выявлению тех характеристик времени и пространства, которые помогают раскрыть аспект мортальности. В тексте произведения преобладают закрытые локусы, которые по своим формам и размерам схожи с гробом и могилой. Предметно-вещественный мир романа наполнен негативными коннотациями и ассоциируется с атрибутами мортальности (гробом, памятником, крестом). Окраска временного континуума также выполнена в негативных тонах. Посредством замедления временного потока в тексте произведения вербализируются категории старения и умирания, распада и увядания. Подобного эффекта (замедление времени) автор-повествователь достигает несколькими путями: 1) использованием художественного приема ретардации; 2) плотным заполнением локусов (людьми, предметами), благодаря чему движения становятся невозможными и время застывает. Кроме того, в романе довольно явно прослеживается связь между внешним хронотопом и внутренним миром героев. Из описания внешнего пространства неоднократно обнаруживается обреченность и безысходность персонажей.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, локус, мортальный, некропространство.

Summary

Y.V. Kovriga. Thanatological Signs of Chronotope in L. Ulitskaya's Novel «Case of Cucotsky»

Categories of time and space are closely linked within a single artwork. Many researchers have devoted their works to the chronotope analysis in literature. This work is devoted to the chronotope study of the novel by L. Ulitskaya “Case

of Cucotsky “ through the prism of thanatology and the revealing of time and space characteristics, which help to disclose the mortal aspect. The close loci are dominated in the text, they are similar to the coffin and grave by their shapes and sizes. The novel world of goods and things is filled with negative connotations and is associated with mortal attributes (coffin, monument, cross). Time continuum coloration is also executed in negative tones. By slowing down the temporal flow of the novel text the category of ageing and dying, dissolution and wilting are verbalized. A similar effect (slowing down time), the author-narrator reaches in a several ways: 1) the use of literary reception retardation; 2) a thick filling of loci (people, objects), so that movements become impossible and the time stiffens. Besides, the bond between the external chronotope and the inner world of the characters is quite obviously traced in the novel. The hopelessness and despair of the characters is repeatedly revealed from the description of the external space.

Key words: chronotope, time, space, locus, mortal, necrospace.

Інформація про автора

Коврига Юлія Володимирівна – ORCID: 0000-0002-6674-6599; викладач іноземної мови Національного фармацевтичного університету, аспірантка кафедри світової літератури ХНПУ імені Г.С. Сковороди; вулиця Олександра Невського, 18, Харків, 61000, Україна